

Л. В. ЛЯХОВИЧ

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОНЯТИЙНЫЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В современной новистике проблема абсолютизма остается одной из наиболее дискуссионных. В статье выявлены причины сложившейся ситуации и высказаны предложения по ее оценке и разрешению. Особое внимание уделено интерпретации понятия «абсолютизм» в современных условиях, предложены критерии для его определения и терминологический ряд аналогов.

Ключевые слова: историография, методология, понятие, термин, новистика, абсолютная монархия, абсолютизм, Старый порядок.

Абсолютизмом, в соответствии с историографической традицией, принято называть характерную для Европы раннего Нового времени форму государственного управления. Проблемы же государства, во всей их многогранности, всегда были и остаются среди приоритетных для исторического исследования. Новоевропейское «регулярное государство» определяло, организовывало и контролировало все сферы жизни общества – от всемерного утверждения принципа «государственного интереса» до регулирования частной жизни подданных. В этом плане, невозможно переоценить важность проблематики абсолютизма для собственно новистики. Однако осмысление проблемы абсолютизма может и должно быть значительно шире. В Новое время были заложены и развиты многие политические, культурные и ментальные основы современной Европы, включая различные типы политической культуры, которые в большей или меньшей степени проявляются и в наши дни. Таким образом, четкое понимание того, что есть абсолютизм, и адекватное его определение важно, как непосредственно для новистики, так и для всего комплекса социальных наук и понимания ряда современных реалий.

Между тем, на протяжении уже не одного десятилетия проблема дефиниции абсолютизма остается нерешенной. Более того, по ряду причин, неприятие вызывает сам термин «абсолютизм». Разумеется, есть общепринятые формулировки, приводимые в первую очередь в учебной литературе для высшей школы¹. Они являются базовыми, и в связи с этим необходимо хотя бы кратко на них остановиться. Так, в учебной

¹ Ляхович. 2013.

литературе 2000-х гг. мы читаем следующие характеристики. «Абсолютизм – особая социально-политическая система, складывающаяся в период перехода от традиционного к индустриальному обществу и отражающая временный баланс социальных сил»². Изменения, приведшие к абсолютной монархии, связываются с процессом модернизации и трансформации социальной структуры, экономических основ общества, социальной мотивации. Возникновение абсолютизма стало отражением временного баланса формирующихся буржуазных и разлагающихся феодальных социальных сил³. «Новые классы – новое государство», – так можно охарактеризовать этот подход⁴. Приведенные дефиниции, таким образом, основываются на социологической модели абсолютизма и значительно трансформированной концепции «равновесия», бывшей единственной принятой в советской историографии.

С другой стороны, абсолютизм понимается как «политическая система, при которой в высшей степени централизованная государственная власть обладает значительным контролем над обществом»⁵, для которого характерны «централизация, унификация и регламентация» управления и состояния сословий⁶. Выводя абсолютизм из сосредоточения власти в руках коронованных правителей, его характеризуют как особую форму правления, при которой монарху принадлежит верховная и неделимая власть в государстве. Вместе с тем отмечается, что номинальное сосредоточение суверенной власти в руках одного человека было недостижимо на практике, власть сохраняла правовой характер⁷. Несмотря на использование термина «абсолютизм», ни одна монархия не была в действительности неограниченной, король обязан был соблюдать «естественные законы», ограничивающие его полномочия⁸. В приведенных определениях виден в первую очередь правовой подход, дополненный концептуальными инновациями рубежа 1980-х – 1990-х гг.

Таким образом, современная учебная литература для высшей школы применяет и правовой, и социологический подходы, дополняя и корректируя их, что в сумме дает более-менее адекватное представление о таком явлении, как абсолютизм. Данная позиция является правильной, так как соблюдается необходимый для преподавания баланс между

² Пономарев, Смирнова. 2004. С. 93.

³ Новая история стран Европы и Америки. Ч.1. 2005. С. 92.

⁴ Евдокимова. 2004. С. 29.

⁵ Отечественная история / С.Н. Полтораки и др. 2005. С. 127.

⁶ Отечественная история / И.Ю. Заорская и др. 2002. С. 541.

⁷ Ревякин. 2007. С.75.

⁸ История Нового времени: 1600–1799 годы. 2007. С. 32.

устоявшимся предметным полем и новыми интерпретациями. И все же расплывчатость в определениях дает о себе знать: абсолютизм выступает и как социально-политическая система, и как политическая система, и как особая форма правления, что, как известно, разные вещи. К этому необходимо добавить и осознание того факта, что при абсолютизме ни одна монархия не была в реальности неограниченной. Приведенных замечаний достаточно, чтобы уже на учебном уровне почувствовать сложность ситуации.

Значительно более серьезное положение уже не одно десятилетие существует в научной среде. Более того, можно констатировать наличие нерешаемой проблемы в историографии. Так, начиная дискуссию 1968–1972 гг., посвященную российскому абсолютизму, советский исследователь истории России начала XX в. А.Я. Аврех писал: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии»⁹. Через три десятилетия, уже в постсоветских методологических реалиях, исследователь российского абсолютизма Ю.А. Сорокин в своей монографии так оценивает результаты отмеченной дискуссии: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина “абсолютизм”... Историки довольно заметно разошлись во мнениях при решении вопроса о социальной опоре абсолютизма... после 1972 г. изучение теоретических проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным»¹⁰.

Почти через сорок лет от начала дискуссии об абсолютизме, в 2007 г., один из ведущих российских исследователей раннего Нового времени П.Ю. Уваров, отметил, что «наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях»¹¹. В 2012 г. Л.И. Ивонина, известный специалист по политической истории раннего

⁹ Аврех. 1968. С. 82.

¹⁰ Сорокин. 1999. С. 29.

¹¹ Уваров. 2007. С. 237.

Нового времени, вновь обратила внимание на то, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего нового времени никогда не кончится, и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие “абсолютизм” перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов»¹². Наконец, в 2014 г. исследователь российской монархии К.С. Чернов, аргументируя свое приглашение к дискуссии об абсолютизме, утверждает применительно к его российскому варианту: «До сих пор не дано четкого определения абсолютизма, не определены ни критерии, ни хронологические рамки этого явления, не предложена его периодизация»¹³.

Такое положение выглядит парадоксальным, учитывая немалую историографическую традицию в рефлексии проблемы абсолютизма. Только двадцать лет постсоветского периода представлены такими авторами, как А.Н. Медушевский¹⁴, Ю.А. Сорокин¹⁵, О.А. Омельченко¹⁶, в работах которых освещены теоретические основы изучения абсолютизма, происхождение самого понятия, подходы к его определению как российских, так и зарубежных исследователей. Событием в историографии абсолютизма стал выход в 2005 г. специально посвященного французской абсолютной монархии выпуска «Французского ежегодника». В нем нашли отражение все существующие на тот момент концептуальные новации¹⁷, в первую очередь в статьях В.Н. Малова¹⁸, Л.А. Пименовой¹⁹, А.В. Чудинова²⁰. И все же в настоящее время, как и два десятилетия назад, «центральной проблемой продолжает оставаться вопрос об определении понятия “абсолютизм”, критериях его изучения»²¹.

Почему сложилась и продолжает существовать такая ситуация? Факторы, породившие ее, разномасштабны и различны во времени их действия. Тем не менее, их можно ранжировать по принципу возрастания интенсивности воздействия. Кроме того, на примере возникновения проблемы абсолютизма можно наглядно проследить ряд процессов не только советской и российской, но и европейской историографии.

¹² Ивонина. 2012. С.105.

¹³ Чернов. 2014. С. 128.

¹⁴ Медушевский. 1993.

¹⁵ Сорокин. 1999.

¹⁶ Омельченко. 2002.

¹⁷ Французский ежегодник. 2005.

¹⁸ Малов. 2005.

¹⁹ Пименова. 2005.

²⁰ Чудинов. 2005.

²¹ Медушевский. 1993. С.16.

Первым фактором, создавшим теоретическую базу для дальнейших споров, были методологические предпочтения советской историографии, сложившиеся еще в 1930–1940-е гг., т.е. известная концепция «равновесия». Важно помнить, что они носили императивный характер и обуславливались официальной идеологией. Данный сюжет достаточно полно и образно раскрыт в монографии С.В. и Т.Н. Кондратьевых «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг.»²² Здесь уместно лишь добавить, что концепция «равновесия» имела более глубокие корни и ее принятие было вряд ли только делом идеологического руководства. Тем не менее, на протяжении нескольких десятилетий она была единственно признанной. В наиболее полном виде она была сформулирована в известной статье академика С.Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме»²³. Условием существования абсолютной монархии и значительной самостоятельности королевской власти считалось равновесие сил укрепляющейся буржуазии и еще достаточно сильного дворянства в период перехода от феодализма к капитализму²⁴. Таким образом, была построена жесткая социологическая модель абсолютизма. Вписанная в формационную схему, она отождествляла западноевропейский и российский абсолютизм. В соответствии с задачами советской историографии, это было еще одним примером демонстрации общности развития России и Европы, закономерности буржуазных революций, универсальности и практической значимости марксизма.

Реалии «Оттепели» и критическое осмысление материала источников привели к тому, что данная схема оказалась непригодной для характеристики российского абсолютизма, так как теоретическое построение не сочеталось с эмпирическим материалом источников. Это обстоятельство и вызвало известную дискуссию об абсолютизме рубежа 1960–1970-х гг.²⁵ Впоследствии, в научном сообществе, дискуссия оценивалась скептически, делался акцент на ее, как утверждалось, неэффективность. Однако нельзя согласиться со столь категоричными суждениями. Во-первых, дискуссия не только привела к отказу от концепции «равновесия» применительно к России, но и показала ошибочность ее упрощенного понимания вообще. Была предложена оптимальная по тем временам дефиниция абсолютизма, данная А.Н. Чистозвоновым. Согласно

²² Кондратьев, Кондратьева. 2003.

²³ Сказкин. 1941.

²⁴ Там же. С. 12–13.

²⁵ Ляхович. Дискуссия... 2013. С.221–229.

ей, абсолютизм «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь»²⁶. Во-вторых, было доказано, что даже в условиях концептуального монизма историки, желавшие высказать альтернативную точку зрения, делали это, подкрепляя свои тезисы ссылками на классиков марксизма, цитирование которых давало возможность методологического маневра. В-третьих, дискуссия на примере определения сущности абсолютизма продемонстрировала границы не только марксистской методологии, но и возможности социально-экономического подхода вообще²⁷. Важно иметь в виду, что данные события происходили еще в условиях безраздельного господства марксистской методологии, имманентной критики буржуазной историографии, без выхода советских историков в европейское научное пространство. Тем не менее, проблема абсолютизма выявилась в полной мере.

Следующим фактором, сопряженным с вхождением советской историографии в европейское пространство, стал методологический перелом рубежа 1980–1990-х гг., уже подготовленный в период перестройки, когда был сформулирован ряд новых тезисов относительно абсолютной монархии. В этот период концептуальные изменения приобрели необратимый характер, что проявлялось как в направленности, так и в оформлении работ. Например, знаковые изменения устоявшихся подходов были сделаны исследователем французского абсолютизма Н.Е. Копосовым в статье «Абсолютная монархия во Франции»²⁸. Утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые концепции XIX – начала XX в., когда формулировалось понятие абсолютизма, на реалии XVI–XVIII вв., автор, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений²⁹. Характеристика абсолютизма как феодаль-

²⁶ Чистозвонов. 1968. С. 62.

²⁷ Ляхович. Там же. С. 221–222.

²⁸ Копосов. 1989.

²⁹ Там же. С. 42–44.

ного государства, по мнению Копосова, является упрощенной, – и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу³⁰. Среди причин возникновения абсолютной монархии автор вовсе не упоминает концепцию «равновесия». Он утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности³¹. Принятая прежде трактовка абсолютизма не укладывалась в реалии источников. Ранее цельная канва исторического материала стала разрушаться, наступил этап исследования частных проблем, и постсоветская историографическая реальность демонстрировала это множеством примеров.

Наконец, причиной глобального плана, включающей и описанные выше факторы, был кризис социальной истории, охвативший европейскую историографию в 70-х–80-х гг. XX в. Нужно сказать, что и советская марксистская, и европейская историография этого периода, исследуя социальные процессы, группы и тенденции, в равной степени были подвержены конструированию теоретических моделей. То, что советская и западноевропейская историография были различными по идейному наполнению, в данном случае не имело большого значения. Тем более это потеряло смысл в связи с включением российской исторической науки в европейскую и с адаптацией методологии и проблематики последней. В обоих случаях произошел разрыв между идеальной конструкцией и ее эмпирическим содержанием. Объекты, демонстрируя свою индивидуальность и логику взаимодействий, не соответствовали теоретической схеме. В результате, как отмечал Н.Е. Копосов, «история распалась “на кусочки”, причем неизвестно, как соотносить их между собой. Казалось бы... более мелкий объект познания не менее сложен, чем крупный. Но на практике это оказалось не так... Микроисторику редко удается сконструировать объект познания, сопоставимый как по важности, так и по сложности с объектом макроистории... в профессиональном смысле распад истории обернулся застоєм...»³².

Последствием описанных процессов стала ревизия понятий, которые перестали адекватно отражать реальные явления. Так, под сомнения были поставлены такие понятия, как «феодализм», «абсолютизм», «революция», «средние века», «раннее новое время» и т.д. Некогда цельная

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Там же.

³² Копосов. 2005. Р. 5–6.

и логичная (хотя бы относительно) канва истории стала распадаться. Для научной среды «игры ума» в условиях кризиса традиционных понятий, конечно, полезны. Однако «конец истории», утратившей внутреннюю логику и целостность, а, следовательно, и возможность познания, заставлял серьезно задуматься. Не случайно П.Ю. Уваров указывал, что «нужно найти определения хотя бы для преподавания, иначе курс истории вновь превратится в перечень фактов политической истории и сборник анекдотов»³³. Далее он анализирует ситуацию: «Происходит не вполне честная операция: берут обветшавшее понятие как минимум пятидесятилетней давности и накладывают его на эмпирический материал, добытый с помощью всей палитры современных подходов... И затем с радостью констатируют, что понятие к данной реальности неприменимо, поскольку эта реальность обладает, как оказалось, некими признаками, в него не укладываемыми... Вроде бы все знают слова “идеальный тип” и даже “исследовательская утопия”, все уже слышаны о том, к каким ошибкам может привести приписывание объективного существования этим “исследовательским утопиям”»³⁴. Выходов из этой ситуации, с точки зрения П.Ю. Уварова, может быть три. Первый – признать, что время общих понятий и больших нарративов ушло, и настала эпоха узких специалистов и микросюжетов. Второй путь – отбросить устаревшие понятия и придумать новые. Наконец, третий путь, на котором и предлагается сконцентрировать усилия – подумать о том, можно ли приспособить старые понятия в современным условиям, и если можно, то как это сделать³⁵. Эта заключительная фраза открывает возможность обсуждения и поиска, что и будет предложено ниже. Представленная далее интерпретация проблемы абсолютизма не претендует на окончательное разрешение. Это – поиск решения в условиях историографической ситуации сегодняшнего дня.

Действительно, в научной среде наступила эпоха узкой специализации и микросюжетов. Такова историографическая ситуация, одной из характеристик которой выступает вполне объяснимое описанными выше причинами нежелание историков создавать масштабные конструкции. Об этом свидетельствуют и названия работ, и то внимание, которое уделяется в настоящее время уникальному в истории, структурам повседневности во всем их многообразии, отдельному человеку, семье, социальной группе и т.д. Данные обстоятельства обусловлены всем

³³ Уваров. 2006. С. 6.

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Там же.

комплексом современных подходов – от антропологического поворота до дискурс-анализа в сочетании с психоисторией. Но разве эти методологические предпочтения делают невозможным или ненужным написание масштабных работ, в том числе охватывающих большие периоды? Было бы неверным утверждать, что время больших нарративов ушло. Они просто необходимы – как систематизированное, панорамное, имеющее внутреннюю логику историческое повествование, в первую очередь для того, чтобы, имея общее представление, читатель мог в дальнейшем воспринимать более узкие сюжеты. Превратившись в совокупность специальных работ для узких профессионалов, история перестанет выполнять свои социальные функции со всеми выходящими из этого последствиями. Обобщающие работы, кроме того, выполняют функции справочной и, в определенной мере, учебной литературы, что нельзя переоценить в деле транслирования исторических знаний. Большие нарративы к тому же несут и ценностное содержание – формируют относительно цельную, логичную, следовательно, познаваемую историческую картину. Разумеется, приведенные аргументы выглядят традиционно и в условиях постмодерна и «конца истории» могут оспариваться со значительной долей скептицизма. Другое дело, каков результат подобных споров на сегодняшний день.

Что касается отбрасывания устаревших понятий и введения новых, то это естественный процесс и, скорее, не сознательно выбираемый путь историка, а условие его работы. Говоря об упразднении одних понятий и введении других, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, новое понятие и его определение должны «снимать» вопросы, возникшие ранее. Если этого не происходит, введение нового термина не имеет смысла – кроме терминологической путаницы оно ничего не даст. Во-вторых, появление и исчезновение терминов – это естественный, зачастую долгий процесс, где вряд ли уместны форсирование и волевые усилия. В-третьих, следует задуматься о том, что мало поддающийся формализации понятийный аппарат исторической науки формировался не одно столетие, значения многих терминов трансформировались без упразднения последних, часто многие понятия и их определения демонстрируют проверенную временем устойчивость. Наконец, нельзя сбрасывать со счета и конвенциональный фактор в науке, и устоявшиеся традиции восприятия.

В отношении понятия «абсолютизм», не единожды отвергаемого, но имеющего, тем не менее, устойчивые коннотации, велико желание найти адекватную замену. Терминологический ряд возможных аналогов

может быть представлен «деспотизмом», «самодержавием», «цезаризмом», «автократической монархией», «неограниченной монархией» – из уже известных терминов, но почти все они несут достаточно конкретную смысловую нагрузку, не указывающую в должной мере на западноевропейскую специфику того, что обозначается как «абсолютизм». Кроме того, можно ли отождествлять европейский абсолютизм в привычном понимании этого явления с «деспотизмом», отражающим, прежде всего, отсутствие правовых гарантий у подданных, или «самодержавием», указывающим в первую очередь на специфику российской монархии, этапом развития которой был абсолютизм? «Автократическая» переводится с греческого как «самодержавная». Не создаст ли терминологической путаницы «самодержавие» и «самодержавная монархия»? «Цезаризм» акцентирует внимание на узурпации власти как ее основном признаке, но в новоевропейском контексте выдвигать этот критерий на первое место – значит, в большинстве случаев, игнорировать исторические факты. «Неограниченная монархия» выступает как синоним «абсолютной монархии» и может быть принята как ближайший по смыслу к «абсолютизму» термин. Такая ситуация и установилась в историографии, но терминологической ясности не внесла. Вновь социально-политическая система, политическая система, тип государственной власти, форма правления, политический режим, государственный строй, форма государства смешались из-за смысловой близости терминов.

Характеризуя новоевропейскую монархию, можно обратиться и к применяемым в то время определениям. Абсолютная монархия – «совершенная», «суверенная», «единовластная». Она могла быть «законной» и «деспотической» в зависимости от соблюдения монархом прав подданных. В связи с обоснованием суверенности королевской власти Жан Боден вел речь о монархии совершенного могущества³⁶. Приведенные, характеристики, несомненно, лучше передают суть определяемого ими явления, но в существующей ныне историографической ситуации, когда историки и правоведы выработали определенные терминологические стандарты, они все же будут порождать дополнительные вопросы. Если монархия «совершенная», то что имеется в виду под «несовершенной монархией»? Суверенный монарх может быть и конституционным, а словосочетание «единовластная монархия» вообще является тавтологией. Отмеченное не означает, что устоявшаяся система терминов – наилучшая и неизменяемая, но все же нововведения предполагают адекватную аргументацию.

³⁶ Омельченко. 2002. С. 8.

Таким образом, из существующих аналогов остается три: «неограниченная монархия», «абсолютная монархия» и весьма скептически воспринимаемый «абсолютизм». Следуя по предложенному П.Ю. Уваровым «третьему пути» адаптации старых понятий к новым условиям, представляется наиболее реальным выбирать из названного терминологического ряда.

Нужно отдельно сказать о возвращенном ныне в науку термине «Старый порядок». Следует, однако, оговориться, что и он – «ancien régime», отнюдь не свободен от негативного подтекста. Так, например, в известной работе «Миф абсолютизма» британский историк Н. Хеншелл отмечает, что в 1789 г. революционеры давали определение «ancien régime», чтобы вынести ему приговор³⁷, а далее либеральным историкам XIX века «нравилось изображать эпоху «ancien régime» пыльным складом устаревших идей и учреждений, сопротивлявшихся живительному влиянию Просвещения»³⁸. В российской либеральной историографии «абсолютизм» и «Старый порядок» применялись параллельно, но если под первым подразумевалась преимущественно система управления, то под вторым – система общественных отношений. Так, крупнейший представитель российской дореволюционной новистики Н.И. Кареев, определяя абсолютизм как политический и социальный строй Европы Нового времени, акцентирует внимание на следующем терминологическом оттенке. Когда в 1789 году, с началом Французской революции, начался период крушения абсолютизма, появился термин «Старый порядок», обозначающий учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, а также им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах. Так, крушение «Старого порядка» в России Н.И. Кареев относит к 1905 г.³⁹ Учитывая как смысловые акценты, так и существующие интерпретации, нет оснований отказываться от проведенных Н.И. Кареевым терминологических граней. Представляется, что замена «абсолютизма» на «Старый порядок» правомерна только в широком смысле, если под абсолютизмом понимать весь комплекс социальных отношений, имевший место в Европе до Французской революции.

Сам термин «абсолютизм», действительно, достаточно экспрессивен, с жесткими коннотациями. Не случайно его введение сначала в публицистику, а затем в науку связано событиями 1820-х гг. в Испании,

³⁷ Хеншелл, 2003. С. 235.

³⁸ Там же. С. 217.

³⁹ Кареев. 1908. С. 1, 4–5.

когда в 1823 г. контрреволюционный режим был назван «абсолютизмом». Это слово, как считает Н. Хеншелл, являло собой «изошренную пародию на позицию консерваторов: нет конституции, нет парламента, нет прав... “Абсолютизм” первоначально и был карикатурой, которую создали, чтобы охарактеризовать современные, и не исторические явления. Однако этот стереотип прижился и был спроецирован на прошлое, а именно на *ancien régime*. Поэтому мягкая, пастельная окраска последнего приобрела новые резкие оттенки эпохи Меттерниха и Карла X... Абсолютная и разделенная власть, действовавшие рука об руку при *ancien régime*, теперь стали означать противоположные виды управления...»⁴⁰. Как видно, согласно Хеншеллу, то, что впоследствии стало называться «абсолютизмом», на самом деле было такой формой монархии, в которой одновременно присутствовали абсолютная и ограниченная власть: абсолютной в сфере осуществления королевских прерогатив и ограниченной соблюдением прав подданных⁴¹. «Абсолютный» же и «конституционный», по мнению Хеншелла – это термины XIX столетия, которые не создавали ничего, кроме путаницы в случае, если применялись для описания политических теорий раннего Нового времени.⁴² В таком случае, каким термином назвать форму управления новоевропейским государством? Более того, как охарактеризовать доминирующую тенденцию усиления, имевшую место в европейской монархии на протяжении, по крайней мере, трехсот лет?

Книга «Миф абсолютизма» вышла на английском языке в 1992 г., на русский была переведена в 2003 г. Аргументируя необходимость отмены термина «абсолютизм», Хеншелл исходил из утверждений, на сегодняшний день уже в значительной мере утративших свою актуальность. По мнению Хеншелла, «термин “абсолютизм” неразрывно связан с четырьмя утверждениями. Во-первых, “абсолютизм” по сути своей деспотичен. При нем ущемляются права и привилегии подданных... “Абсолютизм” – враг свободы. Во-вторых, “абсолютизм” автократичен. Он не обращается к консультативным механизмам... принятие решений централизовано. Государи отодвигают на второй план сословные представительства и корпоративные организации. В-третьих, “абсолютизм” бюрократичен... абсолютные правители отделяют себя от общества. В-четвертых, “абсолютизм” никак не связан с Англией»⁴³. На сегодняш-

⁴⁰ Хеншелл. 2003. С. 236–237.

⁴¹ Там же. С. 144–145, 147.

⁴² Хеншелл. С. 167.

⁴³ Там же. С. 8.

ний день приходится констатировать, что указанные Хеншеллом характеристики абсолютизма значительно уточнены и откорректированы. Это составляло задачу исследований последних десятилетий и не потеряло своей значимости и сегодня.

Уточнения, при всей их важности, тем не менее, не сняли основной проблемы – несоответствия термина определяемому объекту. Как показали исследования последних лет, власть монарха при абсолютизме на практике, фактически, имела ряд ограничений – от «естественных законов» и традиционных корпоративных прав до установленного порядка престолонаследия⁴⁴. Само же слово «абсолютизм» происходит от латинского «absolutus», что значит «неограниченный», «безусловный». Таким образом, налицо противоречие между понятием и реальным объектом. Это и стало одной из основных причин уязвимости понятия «абсолютизм» для критики. В то же время, необходимо задаться таким вопросом: даже если принять во внимание силу местных традиций, суверенных судов или общественного мнения, например, во Франции, был ли в этой стране социальный институт или орган управления, который мог легитимно оспорить права короля и тем более их реально ограничить или нарушить независимо от того, шла речь о королевских прерогативах или правах подданных? Отрицательный ответ на данный вопрос дает возможность утверждать, что как раз в формально-юридическом аспекте власть монарха и была неограниченной. Введение оговорки «формально неограниченная власть» позволит «снять» одно из главных противоречий, дававших очевидный повод для ревизии понятия «абсолютизм».

Все же, несмотря на указанные выше уточнения и корректировки, приходится признать, что применительно к «абсолютизму», термину с достаточно негативным подтекстом, их оказывается слишком много. Если же вести речь о замене термина «абсолютизм» на какой-либо другой, то на сегодняшний день представляется уместным перейти к более нейтральной в стилистическом плане «абсолютной монархии». Данная замена оправдана, тем более, что указанный термин и соответствующее понятие вписываются в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, в котором ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов. Терминологическая замена, кроме того, имеет и прецеденты – из постсоветской историографии достаточно быстро исчезли вызывающий негативные ассоциации термин «царизм», характеризовавший российскую монархию, а также аналогич-

⁴⁴ См., например, *Копосов*. 1989, *Малов*. 2005, *Пименова*. 2005, *Чудинов*. 2005.

ный по отрицательному подтексту «феодално-абсолютистский строй», применявшийся для характеристики социально-политического развития Западной Европы.

Понятие есть выражение сущностных черт предмета. Какие же критерии являются базовыми для понимания сути абсолютной монархии? На первое место выступает правовой критерий и, соответственно, правовой подход в определении, проявивший свою устойчивость на протяжении столетий. Это четко прослеживается, начиная с обоснования неограниченной власти римским правом и европейскими легистами, деятельность которых в позднесредневековой Западной Европе была повсеместной⁴⁵.

Жан Боден, обосновывая абсолютную власть суверенных правителей, утверждал, что необходимо, «чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей, и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать»⁴⁶. Вместе с тем, что важно для понимания западноевропейской политической культуры, «абсолютная власть государей и суверенных властителей никоим образом не распространяется на законы бога и природы... все государи на земле подчинены законами бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам»⁴⁷.

Н.И. Кареев, крупнейший представитель российской либеральной новистики, также делает акцент на правовом аспекте. Абсолютизм и абсолютная монархия, по Карееву, тождественны. Это неограниченная монархическая власть, аналогичная власти фараонов в Древнем Египте, эллинистическим монархиям, римской империи и монархии в Византии. Эпоха же абсолютной монархии на европейском Западе была в известном смысле возвращением к политическим формам императорского Рима⁴⁸. Правовой подход, показавший свою устойчивость и на протяжении всех методологических трансформаций историографии XX века, несомненно, должен стать базовым.

Представляется рациональным, во избежание терминологической неясности, разграничить термины «абсолютная монархия» и «абсолютизм». Абсолютная (неограниченная) монархия есть форма государственного управления. Что же касается «абсолютизма», то он может

⁴⁵ Андерсон. 2010. С. 23–28.

⁴⁶ Боден. 1970. С. 146.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кареев. 1908. С. 2–4.

определяться и как тип государственной власти, и как форма правления, и как политический режим и, наконец, как социально-политическая система.

Фундаментальность правового подхода, однако, не локализует абсолютную монархию во времени и пространстве, а предельно обобщенного определения Н.И. Кареева совершенно недостаточно для понимания сути этого понятия применительно к Европе Нового времени. Необходимы хронологический, географический и социокультурный критерии. Соответственные признаки могут быть внесены, как вариант, в определение абсолютной монархии. Тем не менее, для обозначения специфики этого явления как определенного социокультурного феномена, присущего Европе Нового времени, соответствующий термин необходим. На сегодняшний день выступать таковым может, при условии постепенного отхода от термина «абсолютизм», только «Старый порядок». Таким образом, если «абсолютная монархия» указывает на форму государственного управления, то «Старый порядок» комплексно характеризует общество. В силу этого, при рассмотрении общества и государства Европы раннего Нового времени востребован социологический (или социально-психологический) подход, сформировавшийся в XX веке и дополняющий правовой. Сочетание обоих подходов, акцентированных в соответствующих областях, будет продуктивным при изучении ряда проблем новистики и даст возможность избежать терминологической путаницы.

Предложенные терминологические изменения, возможно, послужат одним из вариантов решения создавшейся в историографии проблемы, а ситуацию, сложившуюся в связи с понятием и термином «абсолютизм» вряд ли стоит считать методологически безвыходной. Во-первых, приемлем постепенный отход от термина «абсолютизм». В значении «форма государственного управления» его можно заменить на более нейтральную в экспрессивном плане «абсолютную монархию». Во-вторых, необходимо внести уточнения в определение последней, снимающие противоречия между «абсолютной монархией» как термином и практикой королевской власти согласно материалам источников. Наконец, оправданно заменить термин «абсолютизм» в широком его значении «Старым порядком». Возможно, в перспективе сформируется термин для обозначения того, что ныне определяется как «абсолютизм», но без негативных коннотаций и требуемых в отношении последнего оговорок.

Как известно, любое понятие и определяющий его термин являются целенаправленно созданными теоретическими моделями, отражаю-

щими материальные объекты лишь с максимально возможной в конкретной ситуации точностью. Задача исследователя – по возможности сделать расхождение между идеальной конструкцией и реальным объектом минимальным. В гуманитарных науках, рассматривающих плохо поддающиеся формализации индивидуальные явления, расхождение между теоретической моделью и эмпирическим материалом может достичь такого масштаба, который позволит говорить о методологическом кризисе. Историографическая же практика показывает, что за кризисом обычно следует выработка новых подходов и решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврех А.Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
- Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. И. Куриллы. М.: Изд. дом «Территория будущего». 2010. 512 с.
- Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1970. 776 с.
- Евдокимова А.А.* История раннего Нового времени. Эпоха Реформации. Ростов-на-Дону. ФЕНИКС. 2004. 288 с.
- Ивонина Л.И.* Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 104–117.
- История Нового времени: 1600–1799 годы: Учеб. пособие для студ. вузов / А.В. Чудинов, П.Ю. Уваров, Д.Ю. Бовыкин. М.: АСТ; Астрель. 2007. 508 с.
- Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1908. 452 с.
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень: Мандр и К°. 2003. 272 с.
- Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 42–57.
- Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! М.: Новое литературное обозрение. 2005. 245 с.
- Ляхович Л.В.* Дискуссия 1968–1972 гг. и разработка проблемы абсолютной монархии в российской историографии второй половины XX века // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. Сб. науч. ст. / Под ред. докт. фил. наук, проф. В.Ф. Беркова. Вып. 12. Ч. 1. С. 211–229.
- Ляхович Л.В.* Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе // Гісторія і грамадазнаўства. 2013. № 8. С. 3–7.
- Малов В.Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршневца (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. С. 86–128.
- Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст. 1993. 320 с.

- Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: Учеб. пособие для студ. Вузов. В 3 ч. / Под ред. А.И. Родригеса, М.В. Пономарева. М.: Гуманитар. Центр ВЛАДОС. 2005 – 2008. Ч. 1. 2005. 528 с.
- Омельченко О.А.* Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. ...докт. юрид. наук. Моск.госуд. индустриальный ун-т. Москва. 2002. 42 с.
- Отечественная история / С.Н. Полтораки, В.А. Бунаков, С.Б. Ульянова. 2-е изд. М.: Гардарики. 2005. 288 с.
- Отечественная история / И.Ю. Заорская и др. М.: Логос. 2002. 559 с.
- Пименова Л.А.* Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига, 2005. С. 195–222.
- Пономарев М.В., Смирнова С.Ю.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Учеб. пособие. В 3 ч. М.: Гуманит. Центр ВЛАДОС. 2004. 288 с.
- Сказкин С.Д.* Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941, Т. 3. Вып. I. С. 3–25.
- Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск: ОмГУ. 1999. 322 с.
- Уваров П.Ю.* В поисках «феодализма» // Одиссей. 2006. М.: Наука, 2006. С. 5–10.
- Уваров П.Ю.* Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) // Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя. 2007. С. 236–257.
- Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. 304 с.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова, отв. ред. С.Е. Федоров. СПб.: Алетейя. 2003. 272 с.
- Чернов К.С.* Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. С. 128–136.
- Чистозвонов А.Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.
- Чудинов А.В.* «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. С. 259–293.
- Ляхович Лариса Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств; г. Минск, e-mail: larisa-hist@mail.ru